

— Приторень слишкомъ и себѣ на умѣ,—охъ, да и хитрющій же онъ, хохолъ!—отзывался Провъ Михайловичъ о Щепкинѣ.

Щепкинъ зналъ холодное къ нему отношеніе своего болѣе молодого товарища. И уже въ преклонные годы сказалъ какъ-то сыну Прова Михайловича, Михаилу, который былъ тогда крошечнымъ мальченкой и заглядывалъ иногда съ отцомъ во время репетицій за кулисы:

— Что это, милый мой мальчикъ, папа-то твой не любитъ меня, старика? За что онъ не любитъ меня? Эхъ, горько мнѣ это, дружище. Такъ и скажи ему, дѣточка! старикъ-то, молъ, плачетъ, обидѣлъ ты его, папа, а онъ къ тебѣ—всей душой.

И тутъ Щепкинъ и въ самомъ дѣлѣ заплакалъ. Слезы показались на глазахъ непритворныя. Мальчикъ увидалъ—старикъ плачетъ—и покатился самъ въ слезахъ. Долго унять не могли ребенка.

А у Щепкина подъ старость, дѣйствительно, часто появлялись на глазахъ слезы. Стоило ему прочесть вслухъ трогательное стихотвореніе, дома ли, публично ли,—онъ не могъ не всплакнуть.

Тутъ видѣть надо не сентиментальность, а просто усиленную впечатлительность.

Мягкость и ласковость, съ которою онъ обращался почти со всѣми, кого ни встрѣчалъ, съ перваго взгляда дѣйствительно покажется скорѣе недостаткомъ, чѣмъ добродѣтелью. Люди не всѣ одинаково стоятъ ласки и одобренія. Есть люди, все поведеніе которыхъ заслуживаетъ строгаго, суроваго, беспощаднаго порицанія. Но Щепкинъ—изъ тѣхъ, что не видятъ, не